

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH223642-650>

Исследовательская статья

Дмитриев Владимир Александрович
доктор исторических наук, научный сотрудник главной категории
Российский этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия
dmitriev_home@mail.ru

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ В ОБЩЕНАУЧНОМ И МУЗЕОЛОГИЧЕСКОМ ПОДХОДАХ

Аннотация: Предлагается возможный путь к выработке содержания представления о комплексах этнографических предметов, создаваемых в музейных экспозициях. Для этого рассматриваются подходы к определению комплекса в археологии, этнографии и смежных науках, отдается предпочтение определению комплекса как системы элементов, функционирующей под воздействием доминантной компоненты. Конструирование музейно-экспозиционных комплексов объясняется как операция по преобразованию первичных этнографических комплексов во вторичные комплексы. Первичным комплексам придается значение этнографических комплексов культуры (ЭКК), вторичным этнографическим комплексам – значение результатов реконструкции и музеефикации (ЭКРиМ). Дается несколько примеров модели ЭКК на основе выделения элементов, составляющих комплекс признаков с указанием доминирующей в системе компоненты. Предлагаемые модели строятся на основе данных этнографии адыгов и относятся к различным проявлениям их этнической культуры. Проблема образования музейного варианта ЭКРиМ представляется как перманентное перекодирование элементов комплекса и самих комплексов, а также вторичное моделирование комплексов культуры в искусственной среде. В перекодировании комплексов культуры в музейно-экспозиционные комплексы решаются задачи, как сохранения комплексов культуры, так и создания их аналогов. На пути от фиксации реальных ЭКК в среде их существования до образования музейно-экспозиционных комплексов в среде публичной презентации происходит ряд преобразований, в результате которых неоднократно перекодируется первичная информация и накапливаются результаты музейной интерпретации этнографических фактов. Завершающая перекодировка происходит на основе синтеза комплексов ЭКРиМ и средств музейной коммуникации с посетителями.

Ключевые слова: Археологический комплекс; этнографический комплекс; первичный этнографический комплекс; вторичный этнографический комплекс; этнографический комплекс культуры; этнографический комплекс реконструкции и музеефикации; музейная экспозиция

Для цитирования: Дмитриев В.А. Этнографические комплексы в общенаучном и музеологическом подходах // История, археология и этнография Кавказа. 2026. Т. 22. № 3. С. 642-650. doi.org/10.32653/CH223642-650

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH223642-650>

Research paper

Vladimir A. Dmitriev
Dr. Sci., Chief Researcher
Russian Ethnographic Museum, Saint Petersburg, Russia
dmitriev_home@mail.ru

ETHNOGRAPHIC OBJECT COMPLEXES IN GENERAL SCIENTIFIC AND MUSEOLOGICAL FRAMEWORKS

Abstract. This study proposes an expanded conceptual framework for understanding the structure and development of ethnographic object complexes within museum exhibitions. By examining theoretical approaches to defining a “complex” across archeology, ethnography, and related humanities, this research prioritizes a systemic definition: a complex as an integrated system of elements operating under the influence of a dominant component. The construction of museum and exhibition displays is conceptualized as a process that transforms primary ethnographic complexes into secondary ones. In this model, primary complexes represent real-world “ethnographic cultural complexes” (ECCs), whereas secondary complexes represent the products of “ethnographic cultural reconstruction and museification” (ECRMs). To demonstrate the applicability of this framework, the study provides several modeling examples drawn from Adyghe ethnographic material, illustrating how specific cultural features form systemic complexes organized around a dominant element. The formation of the museum-exhibition version (ECRM) is analyzed as a process of continuous semiotic recoding, alongside the secondary modeling of cultural phenomena within an artificial display environment. Throughout the trajectory from documenting real-world ECCs in their authentic context to displaying ECRMs for public presentation, primary cultural data undergoes multiple stages of recoding and interpretive synthesis. Ultimately, the final interpretive recoding emerges at the intersection of museified cultural complexes (ECRMs) and communicative strategies designed to engage museum visitors.

Keywords: archeological complex; ethnographic complex; primary ethnographic complex; secondary ethnographic complex; ethnographic cultural complex; ethnographic complex of reconstruction and museification; museum exposition

For citation: Dmitriev V.A. Ethnographic complexes in general scientific and museological approaches. *History, Archeology and Ethnography of the Caucasus*. 2026. Vol. 22. № 3. P. 642-650. doi.org/10.32653/CH223642-650

Проблема комплекса в этнографии, как в других науках, имеет формальный и содержательный аспекты. Исходя из формальной позиции, комплекс является общенаучным понятием, указывающим на присутствие системы элементов. Немедленно возникает вопрос, чем комплекс отличается от группы. Логика подсказывает, группа – есть набор элементов, объединенных общим признаком, в комплексе наличие общего признака не обязательно, группа не всегда представляет систему и может быть пассивна в проявлении своих свойств, комплект отличается организацией и служит для исполнения присущих ему функций. Такое различие далеко не обязательно проводится, что связано и с тем, как комплексы возникают, и кем и зачем они конструируются. Наличие в комплексе организации и функции при их изучении несомненно желательно с позиции рационального познания, но не обязательно явственно. Эти свойства достигаются в процессе конструирования комплексов, как, например, музейно-экспозиционных этнографических, и предполагаются в исследовании выявленных комплексов культуры этноса, т.е. этнографических.

Поскольку представление об этнографическом комплексе в некотором роде является задачей настоящей статьи, невозможно не обратиться к уже имеющимся смежным понятиям и формулировкам. Одной из них, имеющей приоритет по времени появления в объектном дискурсе, является *археологический комплекс* [1, с. 375].

Предложено такое определение археологического комплекса как «сочетание вещей, территориально сосредоточенных ... и функционально связанных; сочетание, в основе которого ... лежала определенная жизненная ситуация, событие или процесс...». Есть и уточнение: «Комплекс замкнутый – совокупность артефактов, связанных совместным нахождением и обстоятельствами, с непреложностью говорящими о совместном участии этих артефактов в событии, которое привело к их объединению». Также существует «открытый комплекс (безусловно, культурный слой) – комплекс, не обладающий свойствами закрытости», т.е. такой комплекс, который по обстоятельствам обнаружения его исследователем им является, но объективно сомнителен [1, с. 375]. Предполагаемое заключение о том, что не все комплексы, признаваемые исследователем системами, таковыми не являются, важно, но не помогает определению понятия. Важно, что предлагаемое тем же автором определение сужается до «Комплекс отличается внутренней корреляцией признаков и их вероятностной связью» [1, с. 142], что позволяет основное определение считать включающим признание недостаточности понимания комплекса только как системы и требующим подключения добавочных признаков.

Если в археологии есть археологические комплексы, то почему бы не признать наличие этнографических комплексов в этнографии? Этому, возможно, мешает только одно – уже существует понятие историко-этнографического комплекса.

В значительной части работ, посвященных проблематике сохранения этнокультурного наследия, термин *историко-этнографический комплекс* (ИЭК) закрепился за сложным ландшафтным памятником, включающим поселение, ему подобные структуры и другие этнографические памятники на местности [2; 3]. Синонимом термина может оказаться, например, музей под открытым небом, содержащий этнографические материалы, этнопарк, этнодеревня, музей-заповедник, архитектурно-этнографические памятники, природно-этнографические памятники. ИЭК содержит этнографические материалы, но нельзя не отметить контекст их вторичного использования, переформатированность комплекса по сравнению с его первичными структурами, специфичность их использования, определенную привлечением туристов, и, как заключение, принадлежность к альтернативной форме сохранения наследия по сравнению с музейными комплексами [4]. Наверно, правильнее такие ИЭК было бы называть *туристическими* – ТИЭК и видеть их суть в манифестации традиционных компонентов ИЭК. Еще близким к ТИЭК, но иначе формулируемым понятием является т.н. *культурный ландшафт* – используемый человеком биологический резерват, наполненный аутентичным культурно-историческим наследием, имеющий общественную ценность и обладающий гарантиями его сохранения, правда смещение центра внимания на природную основу комплекса не позволило авторам отметить включение этнографического материала [5, с. 147–159, 151].

Этнокультурный материал входит в содержание *археолого-этнографического комплекса* – АЭК, который можно считать фундаментальным конструктом науки и которому даются следующие оценки:

- комплекс, компактно расположенный в определенных ландшафтно-географических условиях,

– комплекс археологических памятников и этнографических объектов, служащий для изучения и реконструкции (этой группы и ее предков) культуры (материальной, духовной, соционормативной, природно-средовой, жизнеобеспечения),

– комплекс, оставленный одной группой населения и ее прямыми предками, которые хозяйственно осваивали территорию обитания,

– комплекс, выделенный на основании по преимуществу материалов археологических памятников означенного комплекса, и дополненных этнографическими и при необходимости историческими, географическими, биологическими и другими сведениями [6, с. 135].

Главное содержание конструкта АЭК состоит в размещении комплекса памятников и объектов в пространственно-временном континууме, ограниченном пространственно, но расширенном во временном аспекте за счет объединения объектов археологии и этнографии в единую традицию. Данная традиция может быть отражена и в форме ТИЭК и в виде музейных комплексов, однако, такие попытки укажут на различие между первичными (комплексы культуры) и вторичными (комплексы реконструкции и музеефикации культуры) *этнографическими комплексам* – ЭК.

Очевидно, что ЭК связаны с различными категориями пространства, хотя эта связь не всегда замечается. Для этнографических комплексов реконструкции и музеефикации ЭКРиМ конструируется и вторичное пространство, не трудно так понимать пространство музейного здания, но таковым будет и пространство ТИЭК, хотя в него будут включены и топоры первичных ЭК: площади хозяйственных угодий, поселений, кладбища, священные рощи и т.п.

Для *этнографических комплексов культуры* – ЭКК предполагаются пространственные связи с ландшафтными зонами, с этническими территориями, с ареалами культурных явлений и артефактов исторических событий, возможно часть таких ареалов следует представить в качестве топорсов культуры, если будут отмечены особые связи с участками местности. В особом ключе могут быть отмечены связи ЭКК с пространственными конструктами самой этнографической науки – с ареалами хозяйственно-культурных типов, историко-этнографических областей, традиционно-культурных зон, культурно-исторических кругов [7, с. 5–6]. Методику перенесения памяти о пространственных связях ЭКК в модели музеефикации этнографического материала вряд ли можно считать легкой задачей или, хотя бы сформулированной

Общее представление о комплексе как системе элементов – правильное, но недостаточное, поэтому важным был шаг, сделанный В.А. Козьминым на основе изучения оленеводческого хозяйства народов Сибири в развитии понимания этнографических комплексов как систем (механизмов) с присутствием доминирующего элемента, или правила, толкающего комплекс к функционированию или ко взаимодействию составляющих его частей [8, с. 5–6].

Представляется, что в качестве такой доминирующей компоненты может выступать и вещный набор, и комплекс навыков, и поведенческая установка (культовая, нравственная, соционормативная и пр.).

Ниже представлена схема присутствия элементов и компоненты ЭКК, представляющая части культуры этноса народов Северного Кавказа, где отмечены следующие типы комплексов:

– технологические (например, комплекс инструментария ювелира, комплекс обработки молочных продуктов и т.д.);

– жизнеобеспечивающие (например, комплекс костюма северокавказского типа и т.д.);

– соционормативные и обрядовые (например, комплекс обряда *чапи* и т.д.);

– фольклорные (например, комплекс Нартского эпоса и т.д.).

Далее предлагаются примеры схем.

1. Комплекс обработки молочных продуктов [9, с. 136–147].

Элементы комплекса	Набор для дойки
	Набор для сбивания масла
	Набор для приготовления сыра
	Комплекс кладовой
Правило или господствующая компонента	Навыковая компонента: знания технологии обработки продукта

	Магия предотвращения порчи продукта
	Гендерная компонента: коров в селении доят женщины, овец на горном пастбище – мужчины
	Компонента представлений: значение в культуре питания, роль в обрядовых действиях.

2. Комплекс северокавказского костюма: адыгский вариант [10].

Элементы комплекса	Мужчины	Женщины
	Бурка	Как элемент мужской одежды в обрядах
	Оружие: огнестрельное и холодное: особо кинжал	Замещенная форма кинжала: игла, ножницы
	Папах с окружающим колышком	Девическая шапка-шлем
	Черкеска и бешмет	Платье и кафтанчик/нагрудник
	Поясной набор	Поясной набор
	Штаны	Штаны
	Парная обувь: двойные кожаные носки	Парная обувь: носки с котурнами у женщин
Правило или господствующая компонента	Всаднический образ	
	Сжатость фигуры в торсе	
	Акцентирование линий груди и пояса	

3. Комплекс обряда *чапи* (*цлоницкхуэ*, *клаци*, *цланицэ*), исполняемого у постели раненого воина, буйное игрище, способствующее его выздоровлению [11].

Элементы комплекса	Неподвижно лежащий мужчина, раненый или с переломом костей
	Яйцо, плавающее в чашке с водой – мифологема начала и восстановления жизненного процесса
	Молот и наковальня – кузнечный культ, обережная магия железа
	Шумные пляски ряженых под свирель – буйство природы
Правило или господствующая компонента	Антитеза покоя и буйства жизни

ЭКК как первичные этнографические комплексы имеют оценку системы артефактов и структуры группы предметов или явлений, вместе с тем их выделение – это инструмент научного исследования, а сами они являются единицами языка науки, подобной предложению в языкознании, синтаксической единицей описания культуры этноса. Без выделения комплексов описание культуры сокращается до каталога ее элементов, с оперированием комплексами формируется нарратив культуры. Выделение комплексов – это способ определить смыслы и функции групп предметов, явлений и артефактов. ЭКК, связанные с отдельными конкретными видами жизнедеятельности, являются предметом изучения в этнографии, входят в составные блоки в процессе построения общей картины культуры этноса, однородные блоки объединяются в темы «хозяйство», «одежда», «жилище», «верования», «хозяйственно-культурные типы», «земледелие», «обработка зерновых», «культ очага», «декоративно-прикладное искусство». Блоки и темы тоже составляют комплекс, для выделения их удобно назвать комплексными образованиями.

Несомненно, важно различать комплексы, составляемые для служебного пользования исследователя, и те, которые действительно представляют собой комплексы культуры. Но всегда ли возможно выделить доминантную компоненту в комплексах блоков и тем? Например, анализируя тему земледельческой культуры горцев Северного Кавказа, можно предположить, что такой компонентой будет признана агрокультура, подготовленная для устранения негативных факторов малоземелья.

Обращаясь к тематике отгонно-пастбищного овцеводства в том же регионе, эту компоненту можно увидеть в установке на смену ландшафтных зон вертикальной зональности. Доминантной компонентой разных сторон мужского поведения горцев является ношение кинжала, горских женщин – обработка шерсти, в ритуалах жизненного цикла осетин – следование тройственности предметов на столе – эти предположения можно оставить без внимания, а можно попытаться по этому принципу найти доминантные компоненты в других комплексах.¹

Вторичные этнографические комплексы, в том числе ЭКРиМ – концептуальные образования. Вторичными этнографическими комплексами могут быть признаны любые комплексы артефактов, измененные по сравнению с первичными комплексами. Эти изменения происходят в связи с появлением задач актуализации этнографической информации, использования историко-культурного наследия, развития диалога между разными сегментами современного общества, включая институты носителей научного и обыденного знания об этнографических фактах. Переформирование этнографического комплекса требует концепции его изменения. ЭКРиМ являются результатом работы специалистов, включенных в диалог культурного наследия и современного общества, и вторичными моделями ЭКК.

Суждение, что между первичными и вторичными этнографическими комплексами существует простая, а не вероятностная связь, является ошибочным предположением. Существуют следующие варианты перехода между первичным и вторичным комплексами: отказ от использования первичного комплекса, уподобление вторичного первичному, творческое переосмысление первичного комплекса при моделировании вторичного, замена первичного комплекса вторичным, т.е. вариации гетеротопии (создание пространств с уподобленными смыслами) в образовании ЭКРиМ. До сих пор принципы гетеротопии были отмечены в процессе образования общего музейного предмета на основе изменений исходных данных [12].

Не лишним будет отметить, что переписывание смыслов менее затрагивает отдельные экспонаты в музейной экспозиции и слишком откровенно присутствует в организации экспозиции, как, безусловно, искусственной модели этнокультурной общности, поэтому переписывание основных комплексов культуры в экспозиционные может оказаться наиболее соответствующим этому процессу. В создании музейных комплексов переписывание ЭКК является одной из стадий процесса их формирования, важной в том смысле, что здесь единственно соблюдается сохранение аналогий между первичным и вторичными комплексами (сохраняется комплекс костюма, оснащения охотника, инвентаря мастерской, наполнения святилища и т.д.), в аранжировке отдельных предметов в хранилище и на экспозиции, на экспозиции действия в музейной среде более будут волевыми.

Процессы выделения ЭКК и формирования комплексов в этнографическом музее едины в том, что они начинаются с подбора этнографических фактов действительности и превращении их в факты науки [13] и создания на базе последних источников, необходимых для академической и прикладной (музеоцентричной) этнографической науки. Особая специфика музейной (музеоцентричной) этнографии состоит в том, что в базовой части ее источников присутствует специфическая форма фактов действительности, особо вещных образцов культуры, перекодированных в факты науки.

Неизбежно некоторое уточнение терминов, которым придется воспользоваться ниже:

– этнографический факт – единичное явление культуры или совокупность вещей (в том числе отдельная вещь), событий, культурограмм, явлений и т.п., присущих культуре этноса в повседневной и обрядовой деятельности и следов всего этого в культурной и природной среде;

– этнографический источник – создаваемые исследователем мемораты (памятники) этнографических фактов;

– артефакт – в общем смысле термина – любой след человеческой деятельности, особо и более всего, вещь, выполненная в результате соблюдения норм культуры и выбранная в качестве мемората исследователем: вещь становится артефактом в процессе ее изъятия из среды бытования и уже в таком качестве вносится в музейное собрание.

Вещь – портативный, искусственно сделанный предмет самостоятельного функционального назначения [1, с. 348], наиболее важный для музейно-этнографического комплектования. Преобразование вещи в артефакт – это начало ее перекодирования, завершающегося в музейной экспозиции [14].

¹ Прием поиска доминантной компоненты может оказаться полезным, например, в художественном анализе композиции на предмете декоративно-прикладного искусства или дизайна предмета.

Понимание вещи как генеральной категории артефакта позволяет определить характер этнографической фотографии, как и любого изобразительного или нарративного мемората, так как фотография возникает при формировании источника, сама она не является ни фактом, ни артефактом.

Неизбежно с позиции музеоцентричного подхода корректируется определение АКК как первичного комплекса, его требуется представить как совокупность артефактов и выявленных системных связей (контекста их происхождения, бытования и т.д.), используемых для построения вторичных комплексов в музейной среде. Не исключено, что уже в поле начинается оценка аттрактивности артефакта, свойства, не присутствующего в предметах ЭКК, но важного для использования артефакта в музейной экспозиции.

Аттрактивность (выразительность) – не единственное свойство, которое в музейной среде навязывается артефакту. В процессе от собирательского выбора до экспонирования в музее вырабатываются и другие свойства знака. Создаются возможности представить артефакт:

- как знак самого себя;
- как знак культурного контекста, в котором вещь находилась до превращения в артефакт;
- как знак принадлежности до музеефикации к ЭКК;
- как знак этничности и этнографичности, комплексов, включающих артефакт;
- как знак принадлежности к музейной сфере и признания артефакта памятником культуры;
- как элемент музейно-этнографического комплекса.

Музей может использовать ЭКК для построения нужных аналогий, отсылаясь на соблюдение критериев истины в этнографическом знании, но музей следует собственному пути образования вторичных комплексов. Этот путь имеет следующие стадии: изучаемый комплекс – собирательская коллекция – не сложившийся фрагмент музейной коллекции в виде ответа на существующие задачи комплектования музея – сложившийся ее фрагмент в виде музейного учетно-уравнительского комплекса – музейно-экспозиционный комплекс, заново формируемый на основе учетно-хранительских комплексов – музейная экспозиция, собранная из музейно-экспозиционных комплексов – музей как общий набор артефактов, предъявляемых обществу. Сходное движение присутствует в образовании ТИЭК с поправкой на специфику комплекса.

Вторичный этнографический комплекс – самостоятельно-концептуальный этнографический комплекс, связанный с первичным принципом подобия. Музейно-экспозиционный комплекс – вариант ЭКРиМ, существует в полностью искусственном пространстве и в нем же собирается по выработанной музейным коллективом схеме. Структура комплекса объединяет следующие элементы в их иерархии:

- элемент комплекса – предмет, вещь, возможно, набор вещей, который можно признать за элемент (варианты инструмента одного назначения в инвентаре работника);
- набор элементов, объединенных темой и подобранный для включения в музейно-экспозиционный комплекс (например, обработка молочных продуктов Раздела «Скотоводство»);
- комплекс из источников информации, включающий воспроизведенный ЭКК, дополненный средствами его эксплицирования (раскрытия его смысла) – иллюстративными источниками, отсылающими к контексту целеполагания комплекса, вербально-письменными средствами, интерпретирующими смыслы комплекса;
- комплекс элементов оформления экспозиции, сформированный для восприятия назначения размещения комплекса в музейной экспозиции посетителем, включающий отмеченные выше структуры вместе с техническими средствами экспонирования и результатами работы дизайнера; средство превращения имманентного культурного комплекса в публичный.

Наличие в комплексе доминантной компоненты может быть определено по-разному, ее выделение возможно приемами композиции или средствами визуализации необходимых предметов и групп предметов. Вопрос о характере доминанты связан с задачей использования экспозиционного комплекса для построения образа, который должен перейти во впечатление у посетителя. Так как внешний слой в образе составляет результат художественного воздействия, в глубинном слое желательно добиться присутствия научных образов.

Итогом музеефикации артефактов и конверсии первичных этнографических комплексов во вторичные является музейная экспозиция. В Российском этнографическом музее целью экспозиции является представление этнокультурного своеобразия народов и регионов России и сопредельных стран. Признак культурного своеобразия закладывается в основу отбора артефактов для использования

их как экспонатов – этнографических фактов, наделенных сложной знаковой функциональностью фактов. Экспозиция является комплексом и системой комплексов, этнокультурное своеобразие – смысловое содержание экспозиции, которое должно отразиться в комплексах любого уровня. Однако оно не может быть однообразным. На всех уровнях появляются свои варианты общего смыслового содержания. Существует множество проблем проектирования экспозиционных комплексов, в том числе, как построить иерархию смыслового содержания комплексов и продемонстрировать достоверность перехода от первичных комплексов к вторичным.

Одним из примеров признания такой проблемы является проектная модель новой экспозиции, где предлагается иерархия идентификации ЭКК и ЭКРиМ:

- единичный предмет-экспонат, являющийся этнографическим фактом и знаком музейного текста;
- базовый музейный комплекс, составленный из предметов-экспонатов, как воспроизводимый ЭКК в различных разделах экспозиции – например, костюм, интерьер жилища, набор инструментов ювелира и т.д.;

- конструируемый тематический музейный комплекс в определенном собственном месте экспозиции, объединяющий базовые комплексы – например, пастушество, мужские гендерные типы Дагестана в «сцене на годекане», адыгский костюм как выразитель этнических и социальных установок, комплекс предметов религиозного культа одной конфессии и т.д.;

- объединение тематических комплексов – например, скотоводство, конфессии народов региона, транспорт как раздел Введения и др.;

- разделы экспозиции, состоящие из объединений тематических комплексов – например, «Введение», «Хозяйство и промыслы (горская экономика)», «Модернизация культуры народов региона», относящиеся в целом ко всей геотории Северного Кавказа и Дагестана, а также «Культура народов Дагестана» и «Культура народов Северного Кавказа», представляющие основные субрегиональные подразделения;

- в целом экспозиция «Народы Северного Кавказа и Дагестана», как комплекс, состоящий из входящих в нее разделов.

Следует отметить, что перспективы использования экспозиции как эксплуатируемого музейного комплекса ставит задачу формирования объединений тематических комплексов в опорные блоки экскурсионной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клейн Л.С. Археологическая типология. Л.: АН СССР, 1991. 447 с.
2. Нельзина О.Ю. Историко-культурный потенциал территорий и его использование при организации комплексов этнографической направленности // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. 2020. Вып. 2 (24). С. 57–62
3. Свиридова О.Ю. Расположение и некоторые особенности существующих и проектируемых этнографических музеев, парков этнографической реконструкции и этнических деревень на территории Российской Федерации // Журнал Института наследия. 2016. № 4 (7). С. 65–82.
4. Банников К.Л., Шкарбань С.Ш. Искусство и смыслы этноисторического туризма // Кунсткамера. 2024. № 1 (23). С. 119–131.
5. Кулешова М.Е. Систематика культурных ландшафтов // Культурный ландшафт как объект наследия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 620 с.

REFERENCES

1. Klein L.S. *Archaeological typology*. Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1991. (In Russ)
2. Nelzina OYu. Historical and cultural potential of territories and its use in organizing ethnographic complexes. *Current Issues of Culture, Art, Education*. 2020; 24(2): 57–62. (In Russ)
3. Sviridova OYu. Location and some features of existing and projected ethnographic museums, ethnographic reconstruction parks and ethnic villages in the Russian Federation. *Journal of Heritage Institute*. 2016; 7(4): 65–82. (In Russ)
4. Bannikov K.L., Shkarban S.Sh. Art and meanings of ethno-historical tourism. *Kunstkamera*. 2024; 23(1): 119–131. (In Russ)
5. Kuleshova M.E. Systematics of cultural landscapes. *Cultural landscape as a heritage object*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2004.
6. Korusenko M.A., Tikhonov S.S., Tomilov N.A. Ethnographic-archaeological complexes of the peoples of Siberia (thirty years of research). *Herald of Omsk University. Series "Historical Sciences"*. 2023; 10(4): 134–141. (In Russ)

6. Корусенко М.А., Тихонов С.С., Томилов Н.А. Этнографо-археологические комплексы народов Сибири (тридцать лет исследований) // Вестник Омского Университета. Серия «Исторические науки». 2023. Т. 10. № 4 (40). С. 134–141.
7. Савинов Д.Г. От редактора // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 3–8.
8. Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Западной Сибири. СПб.: СПбГУ, 2003. 232 с.
9. Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1993. 227 с.
10. Студенецкая Е.Н. Одежда народов Северного Кавказа XVIII – XX вв. М.: Наука, 1989. 288 с.
11. Налоев З.М. У истоков песенного искусства // Народные песни наигрыши адыгов. Т. 1. М.: Советский композитор, 1980. С. 7–26.
12. Руденко Н.И. Гетеротопия как переописание: музейные экспонаты, сети и практики // Социология власти. 2015. Том 27. № 1. С. 181–195.
13. Пименов В.В. Этнографический факт // Советская этнография. 1990. №3. С. 42–50.
14. Никитин Н.А. Музейные средства: знаки и символы // На пути к музею XXI в. М.: 1977. С. 23–32.
7. Savinov DG. From the editor. *Cultural and ecological areas: interaction of traditions and culturogenesis*. Saint Petersburg, 2007: 3–8. (In Russ)
8. Kozmin VA. *Reindeer herding culture of the peoples of Western Siberia*. Saint Petersburg: SPbSU, 2003. (In Russ)
9. Kaloev BA. *Cattle breeding of the peoples of the North Caucasus*. Moscow: Nauka, 1993. (In Russ)
10. Studenetskaya EN. *Clothing of the peoples of the North Caucasus in the 18th – 20th centuries*. Moscow: Nauka, 1989. (In Russ)
11. Naloev ZM. At the origins of song art. *Folk songs and tunes of the Adyghe*. Vol. 1. Moscow: Sovetsky Kompozitor, 1980: 7–26. (In Russ)
12. Rudenko NI. Heterotopia as redescription: museum exhibits, networks and practices. *Sociology of Power*. 2015; 27(1): 181–195. (In Russ)
13. Pimenov VV. Ethnographic fact. *Soviet Ethnography*. 1990; 3: 42–50. (In Russ)
14. Nikishin NA. Museum means: signs and symbols. *On the way to the 21st-century museum*. Moscow, 1977: 23–32. (In Russ)

Поступила в редакцию 06.02.2026 г.

Принята в печать 12.03.2026 г.

Опубликована 30.09.2026 г.

Recieved 06.02.2026

Accepted 12.03.2026

Published 30.09.2026